

Т. В. АНДРЕЕВА

СУДЕБНИКИ 1497 И 1556 гг.
В ИЗДАНИИ К. Ф. КАЛАЙДОВИЧА И П. М. СТРОЕВА

На рубеже XVIII—XIX вв. отечественная историческая мысль впервые поставила два важнейших вопроса, определивших ее дальнейшее развитие. Во-первых, о понятии исторического процесса, т. е. внутренней связи исторических событий, их обусловленности и определенной направленности, и, во-вторых, о познании этих событий на основании критического осмысления источников. Подобный подход к источникам делал все более явным стремление к отграничению их от исторического факта и приводил к тому, что они сами становились объектом анализа.

В усилении внимания к проблемам источниковедения нашла отражение и историографическая ситуация. В русской историографии этого времени, помимо просветительства, все более определенно начинают заявлять о себе буржуазные тенденции, характеризующиеся рядом отличительных особенностей. Главными из них были: направленность на раскрытие закономерностей исторического развития общества и стремление изучать не только внешнеполитическую историю, но и внутренние процессы эволюции государства. Вслед за Вольтером чрезвычайно важным признавалось исследование «законов и обычаев народов, состояния торговли, финансов, земледелия, ремесла, достижений науки и просвещения». Однако для этих новых целей сам корпус письменных источников и традиционные принципы их анализа, присущие предшествующей историографической традиции, были уже недостаточны. Таким образом, включение источника в решение проблем познания и выдвижение историографией новых аспектов исследовательских задач заставляли привлекать новые виды источников и разрабатывать новые приемы их изучения и издания. Активное участие в этом процессе приняли известные историки, источниковеды и археографы, научное творчество которых характеризовалось буржуазно-просветительскими тенденциями, Константин Федорович Калайдович и Павел Михайлович Строев.

Теоретическая основа взглядов ученых определила их отношение к принципам изучения и публикации исторических материалов. Поэтому неудивительно, что уже первые научные интересы К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева сосредоточились вокруг исследования, критического анализа и издания Судебников 1497 и 1556 гг. — важнейших источников по истории государственного и общественно-политического строя Русского централизованного государства и русского права этой эпохи.

Как известно, рукопись Судебника Ивана III была найдена Строевым в 1817 г. во время его первой археографической экспедиции (на первом этапе совместно с Калайдовичем) по монастырям Московской епархии, которая была организована Румянцевским кружком. Именно в этом своеобразном «департаменте русской истории», основанном гр. Н. П. Румянцевым и объединившем в первой четверти XIX в. замечательную плеяду исследователей, преимущественно историков, начинали свой научный путь наши герои. Здесь они приобщились к чрезвычайно важной, отвечавшей назревшим нуждам исторической науки и превратившейся в самостоятельное направление, работе по разысканию, описанию, изучению и изданию разнообразных источников по отечественной истории.

Экспедиция началась 9 июня 1817 г. поездкой из Москвы в Волоколамск. Следует сказать, что при оценке ее деятельности дореволюционная историография по традиции, идущей от А. А. Кочубинского, отводила ведущую роль Калайдовичу как более подготовленному и «лучшему знатоку русских архивных хранилищ». Строев же, по мнению ряда авторов, «менее способный, зато более настойчивый в работе; менее пригодный для ученого творчества, зато подходивший для черновой работы» и якобы «отличавшийся искательством», был назначен руководителем экспедиции лишь по протекции директора Московского архива Коллегии иностранных дел А. Ф. Малиновского.¹ На самом же деле, в ходе экспедиции, которую практически провел один Строев, поскольку Калайдович вернулся в Москву не позднее 16 июня 1817 г., Павлом Михайловичем была проделана огромная работа. Это подтверждается содержанием переписки Строева, относящейся к периоду подмосковного путешествия и охватывающей период с 1817 по 1820 г., с тем же Калайдовичем, а также Румянцевым и Малиновским. Кроме того, данные материалы свидетельствуют, что за уникальными находками экспедиции стоял самоотверженный труд и преодоление множества препятствий, начиная с невежества церковнослужителей и кончая конкуренцией в приоритете «первооткрывателей».² Тезис же о «недо-

¹ Кочубинский А. А. Начальные годы русского источниковедения. Одесса, 1887—1888. С. 107—110, 111; Мисаков П. И. Главные течения русской исторической мысли. М., 1897. С. 170—180; Булин С. К. Очерк истории языковедения в России. СПб., 1904. Т. 1. С. 850—854, 942, 1002; Пытин А. Н. Очерк литературы и общественности при Александре I. Пг., 1917. С. 415—440.

² Переписка К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева (1816—1818) // Записки Отдела рукописей ГБЛ/Совет. Т. В. Андреева, В. П. Козлов. М., 1987. Вып. 46.

статочной подготовленности Строева к научному творчеству» не находит подтверждения при анализе уже первых исторических и источниковедческих трудов исследователя и выявления его вклада в развитие вспомогательных исторических дисциплин.³

Главной задачей путешествующих было поставлено обследование монастырских древлехранилищ и описание материалов, хранящихся в них, «касающихся древней русской истории». Предполагалось начать с осмотра и описания рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря, сделав по рекомендации Малиновского «подробную опись всех рукописей и манускриптов», взяв за образец каталог Синодальной и Типографской библиотек.⁴ Несмотря на то, что собрания большинства подмосковных монастырей еще в 1791—1795 гг. и в 1804 г. осматривались некоторыми исследователями, в том числе Н. М. Карамзиным, уже в самом начале своей деятельности экспедиция имела замечательные находки. При осмотре Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря Строевым и Калайдовичем был обнаружен «сборник, писанный в 1073 году для князя Святослава Ярославича», т. е. знаменитый Изборник Святослава 1073 г., являющийся вторым по древности датированным памятником славяно-русской письменности. Известный в настоящее время в различных списках, открытый в Новом Иерусалиме документ и был тем самым знаменитым Уваровским списком, который хранится сейчас в Уваровском собрании Государственного исторического музея. Болгарский оригинал списка, написанный для царя Симеона, несколько позже был найден С. П. Шевыревым.⁵

Уникальные открытия были сделаны уже одним Строевым и в Иосифо-Волоколамском монастыре. Им были обнаружены древнейшие источники славянской письменности: новый список «Поучения» о славянском языке болгарского писателя, ученого и переводчика IX—X вв. Иоанна экзарха Болгарского, представляющий собой составную часть предисловия к переводу трактата Иоанна Дамаскина (IX—X вв.); список сочинения монаха Иакова «Память и похвала князю русскому Володимиру»; сочинение славянского писателя XII в. Кирилла Туровского; «Послания» митрополита Киевского Никифора (XII в.); пергаменное евангелие, датированное в настоящее время концом XIII в., материалы Собора 1554 г. по делу И. Висковатого. В своей записке Н. П. Румянцеву о результатах Волоколамской экспедиции Строев, давая оценку наиболее важным материалам рукописного фонда монас-

тыря, сгруппировал их в десять рубрик по тематическому признаку и указал, что «большая часть оных важны не только по внутреннему достоинству своему, но и по отдаленности времени, к коему они принадлежат».⁶

«Археографическим триумфом» стали обнаруженные Строевым 3 июля 1817 г. в библиотеке Волоколамского монастыря единственная известная до сих пор рукопись Судебника 1497 г. и неизвестный ранее список Судебника 1550 г., а также дополнительные указы к нему. До этого открытия Судебник Ивана III был известен только по приведенным из него извлечениям в «Записках о Московии» австрийского дипломата С. Герберштейна, бывшего послом императора Максимилиана I при дворе Василия III. Они были опубликованы на латинском языке в Базеле в 1556 г. и раскрывали содержание лишь нескольких статей Судебника.⁷ Русский текст считался безвозвратно утраченным. Таким образом, рукопись, найденная Строевым, и сейчас является единственным известным списком Судебника 1497 г., который хранится в фондах Государственного древлехранилища Российской Государственной архива древних актов.

Судебник 1550 г. как официальный законодательный свод Русского централизованного государства получил весьма широкое распространение и потому дошел до нас в более чем 40 списках, относящихся к XVI—XVIII вв. Первое упоминание о Судебнике сохранилось в речи Ивана IV Стоглавому собору 1551 г., в которой царь, рассматривая издание новых законов как важнейшее мероприятие, направленное на ликвидацию последствий боярского правления, «требовал» у Собора только «утверждения и подписи». Прямых документальных свидетельств о том, что Судебник был утвержден Собором, нет, но первое упоминание о нем как действующем кодексе относится уже к июлю 1551 г. Долгое время Судебник был неизвестен науке. Только в 1734 г. В. Н. Татищев открыл его и «яко вещь дивную» преподнес императрице Анне Иоанновне, а снятую копию передал в Академию наук. Но прошло более тридцати лет, прежде чем этот ценнейший законодательный памятник увидел свет. Лишь в 1768 г. по собственноручному списку Татищева, в настоящее время утраченному, Судебник 1550 г. был впервые опубликован Г. Ф. Миллером. Издание включало не только текст Судебника, но и примечания Татищева к почти 100 статьям, а также дополнительные указы правительства с 1550 по 1607 г. Безусловно, введение в научный оборот столь важного источника по истории русской государственности и права было весьма актуально, хотя сам спи-

С. 137—176; Переписка государственного виллера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными // ЧОИИДР. М., 1882. Кн. 1. С. 41—172.

³ Об этом см.: 1) Андреева Т. В. 1) Работа П. М. Строева по генеалогии // ВИД. Л., 1983. Т. 15. С. 148—156; 2) Вопросы источниковедения в работах П. М. Строева // Там же. Л., 1987. Т. 18. С. 32—42; 3) Исторические деятели П. М. Строева // Проблемы истории науки и культуры России: Межаузовский сборник научных трудов. Омск, 1993. С. 57—73.

⁴ Письмо А. Ф. Малиновского П. М. Строеву от 21 июня 1817 г.; ОР РГБ. Ф. 291, № 2249, Д. 31, Л. 2.

⁵ Изборник Святослава. М., 1977. С. 11; Левочкин И. В. Уваровский список Изборника 1073 г. // Советское славяноведение. М., 1982. № 5. С. 91—94.

⁶ См.: Переписка К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева. С. 144—149; Строев П. М. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Ново-Иерусалимского, Санта-Сторожковского, Пафнутиецко-Боровского. СПб., 1891. Черновой вариант описания в настоящее время хранится в личном фонде П. М. Строева в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Ф. 751, Д. 3, Л. 1—44).

⁷ См.: Герберштейн С. 1) Записки о Московии, с латинского базельского издания 1556 г. / Перевел И. Анонимов. СПб., 1866. С. 81—83; 2) Записки о московских делах / Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. СПб., 1908. С. 82—84.

сок, положенный в основу публикации, страдал модернизацией, свойственной почти всем копиям Татищева. В том же 1768 г. переводчик Академии наук С. С. Башилов также издал Судебник 1550 г. по списку XVII в., подаренному в 1746 г. Академии канцеляристом Устюжской епархии И. И. Поповым, но позже также утерянному. К основному тексту, который был снабжен примечаниями Татищева, были даны варианты и пропущенные места по списку, принадлежащему историку. Кроме текста Судебника, это издание включало также указы, относившиеся ко второй половине XVI в. и отсутствовавшие у Татищева: «Книги законные Юстиниана», «Указы дополнительные к Судебнику» за 1550—1581 гг. и Таможенный устав 1571 г. Отличающаяся исключительной тщательностью публикация Башилова была выполнена уже по особым правилам, которые формулировались в ее предисловии.⁸ Через несколько лет в Сенатской типографии было реализовано давно задуманное второе издание Судебника Ивана IV по списку Татищева «Сводный судебник, учиненный по указу его величества государя, царя и великого князя Ивана Васильевича» (М., 1774).

Возвращаясь к подмосковной экспедиции Строева, следует напомнить, что в то время, когда последний работал в монастырских библиотеках и архивах, сообщая в письмах о своих драгоценных находках Калайдовичу, его московский адресат занимался подготовкой к изданию второго тома «Собрания государственных грамот и договоров» и публикации Судебника 1550 г., которая была задумана как их совместный труд. Поэтому неудивительно, с каким восторгом встретил Калайдович известие об обнаружении нового списка и дополнительных указов к Судебнику 1550 г., а главное — неизвестного науке списка Судебника 1497 г. «Не забудьте, любезный друг, поскорее переслать Судебника», — с нетерпением писал он Строеву. Но благодарный Павел Михайлович невозмутимо отвечал: «Поспешностью Вашей — прошу не сердиться — Вы портите наши дела».⁹ Тем не менее уже в ходе работы было решено включить найденные Строевым материалы, и в первую очередь рукопись Судебника Ивана III, в предполагаемое издание.

Однако дело затягивалось, что было связано с экспедиционной деятельностью одного и обязанностей в Комиссии по печатанию государственных грамот и договоров — другого издателя. Продолжение экспедиции осенью 1817 и зимой 1818 г. принесло Строеву новые находки. В Савво-Сторожевском монастыре он нашел соборное определение 1503 г. о священнослужителях, которое также должно было войти в состав приложения к подготавливаемой публикации Судебников. Но это не было осуществлено, поскольку некоторые приговоры определения (о вдовых

⁸ См. об этом: Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952. С. 11—14, 111—113, 181—183; Российское законодательство: X—XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 34—35; Законодательные акты русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в. Л., 1986. С. 5—10.

⁹ Переписка К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева. С. 150—151.

священнослужителей и «чернецах») не были пропущены духовной цензурой, да и самим Румянцевым. При повторном же осмотре Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря Строеву повезло обнаружить еще сто сорок рукописей XIII—XVIII вв., в числе которых были весьма важные: новый список Софийской Новгородской летописи, доведенный до 1534 г., сочинения Максима Грека, Дмитрия Зографа, архимандрита Никанора.¹⁰ В апреле 1818 г. первый этап подмосковной экспедиции закончился; Строев вернулся в Москву и включился в сложный процесс подготовки к изданию Судебников.

Следует напомнить, что в эти годы весьма широкое распространение получили приемы передачи текстов источников, главным образом летописей, предложенные А. Л. Шлецером. Именно в работах этого талантливого ученого вопрос об источнике впервые был поставлен в теоретико-философском аспекте. Согласно воззрениям Шлецера, источник как продукт психической деятельности человека, являясь остатком прошлого, несущим сознательные и бессознательные искажения, требует «очищения». Поэтому разработанная им система критики источника на разных этапах его изучения, или теория «трех критических операций», включающая текстологическую, аналитическую и филологическую задачи, предполагала разыскание, собрание и сравнение сотен списков, а затем уже публикацию «очищенного» от переработки и искажений в процессе переноса в позднее время первоначального текста источника.¹¹

Подобные представления автора знаменитого труда «Нестор. Русские летописи на древне-славянском языке» не распространились только на законодательные памятники и актовый материал. Но сам труд стал школой, через которую прошли почти все выдающиеся отечественные историки. Калайдович и Строев в начале своего творческого пути также испытали заметное воздействие шлецеровской методики, представлявшей собой, по справедливому замечанию В. П. Козлова, попытку приспособить классические положения западноевропейской герменевтики к русским источникам.¹² Вслед за Шлецером, Калайдович в своей ранней статье 1814 г. «Разыскание о пришествии Рюрика в Ладогу», рассматривая противоречивые свидетельства разных списков Начальной летописи о приходе дружины Рюрика в Русь, связывал его только с Новгородом и отвергал возможность появления в Ладоге. А Строев еще в 1815 г., собираясь продолжить перевод «Нестора», начатый в 1800 г. Д. И. Языковым, писал: «Крити-

¹⁰ Там же. С. 168—170; см. также: Строев П. М. Описание рукописей монастырей. С. 286—299.

¹¹ В. В. Фарсман указывает на нестабильность разбивки операций по изучению текста у Шлецера — то две, то три, что привело к различному пониманию его критического метода. В целом же утвердилось деление исторической критики на два рода, хотя их содержание не было абсолютно и они назывались по-разному. См.: Фарсман В. В. Источниковедение и его метод. М., 1983. С. 142—143.

¹² Козлов В. П. Исторический источник и основные проблемы его анализа в исторической мысли России конца XVIII—первой четверти XIX в. // ВИД. Л., 1989. Т. 20. С. 20—21.

ческие исследования Шлецера принесли великую пользу — он первый указал стезю, по которой должно следовать». Следуя идеям «малой» критики Шлецера, он уже в своей первой работе «Краткая российская история в пользу российского юношества» проводит грань между рассказом современника и позднейшими истолкованиями исторических фактов, отразившихся в источнике. Подобное отношение к источникам наиболее четко просматривается в так и оставшемся не опубликованным труде Строева 1817 г. «Критический розыск к объяснению и поправлению бытосказаний и хронологии в начальной истории Сибирского царства». «На смену заимствованию пришел стремительный напор критики новейших времен» — писал исследователь, считая, что теперь историк «должен сражаться с мнениями общими, предрассудками закоренелости, гипотезами, принятыми за аксиомы». «Не всегда удается их опровергнуть. — продолжал он, — и все же тут будет мне немалое удовольствие, когда из предлагаемых мною опровержений, при всей неудаче девяти первых, последнее, десятое, хоть несколько подойдет к истине».¹³ При этом «грамматическая» критика, выполняющая свою подготовительную работу для «высшей», в той постановке филологической задачи, как она была сформулирована Шлецером, не нашла достаточного освещения ни у Калайдовича, ни у Строева. Но общая рационалистическая теория, свойственная просветительской и все более заявляющей о себе буржуазной историографии, критика, основанная, по выражению А. Л. Шаниро, «на рассудке, т. е. на здравом смысле просветительского источниковедения»,¹⁴ была характерна и для взглядов обоих исследователей.

Вслед за Шлецером и вполне согласно с идеями Просвещения оба историка, сравнивая значение различных видов источников для исторического исследования, отдают предпочтение документам официального происхождения, в первую очередь законодательным памятникам. Именно это основополагающее источниковедческое положение нашло свое отражение в воспроизведении текстов Судебников 1497 и 1550 гг. в издании Калайдовича и Строева «Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами» (1819). «Необходимость законов в государствах благоустроенных есть истина неоспоримая, — писали издатели в своем Предисловии. — Законы суть прочнейшие связи государственного тела, вина его благосостояния, порука за продолжительность бытия и основа народного счастья, образованности, просвещения... Постепенное наблюдение их хода, улучшения и упадка есть важнейшая часть гражданской истории государств». Однако не только законы имеют огромное влияние на экономическое развитие, социально-политический строй, быт и

¹³ Строев М. М. Критический розыск к объяснению и поправлению бытосказаний и хронологии в начальной истории Сибирского царства (ЦГИАМ. Ф. 31. Оп. 4. Д. 8. Л. 7—8).

¹⁴ Шаниро А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII век: Курс лекций. Л., 1982. С. 221.

культуру народа, но и «взаимные сношения, торговля, успехи или упадок просвещения, самые завоевания имели непрерывное влияние на нравы и характер общественный — следовательно, и на часть законодательную». Таким образом, историки вплотную подошли к пониманию взаимосвязи и взаимовлияния государственных и общественных институтов в их историческом пространстве: «история законов есть история народного духа, добродетелей, пороков».¹⁵

Рассмотрение же законодательных памятников через призму общ исторических проблем неизбежно приводило их к пониманию зависимости гражданского общества от государственной власти, что проявлялось в форме законов. Особенно возрастала роль верховных правителей, как считали Калайдович и Строев, в эпоху завершения политической раздробленности, становления и укрепления централизованного государства. В России этот период, по их мнению, начался в конце XV в., когда с падением «монгольского владычества» и «с возвращением свободы и политической самостоятельности Отечество наше имело надобность в лучшем образовании внутреннего управления». «Великий князь Иоанн Васильевич видел сей недостаток и принял меры оный исправить... Основатели государств были первыми их законодателями».¹⁶ Таким образом, исходя из шлецеровской идеи о значении законодательства и права в истории русской государственности и общей идеи просветительно-буржуазной историографии об организующей роли государственной власти, а следовательно, и законодательства, Калайдович и Строев, при их безусловно отрицательном отношении к деспотизму, считали монархическую власть единственным реальным средством исторического развития. Прогрессивный характер российской монархии, в их представлении, был тесным образом связан с кодификационными процессами, начатыми еще Ярославом Мудрым. Русская Правда, содержащая в себе «законы уголовные и гражданские», с их точки зрения, была первым законодательным памятником древнерусского государства, возникшим на общеславянской основе, но имевшим византийские и исламские корни: «Итак, первые законы в нашем отечестве были — очевидное подражание германским; но россияне, познакомясь с греками и приняв от них христианскую веру, узнали и их законы».¹⁷

Рассматривая историю российского законодательства как эволюционный процесс, издатели полагали, что Судебники 1497 и 1550 гг. как итог всей предыдущей законодательной деятельности верховной власти своими источниками имели современное и древнее право, начиная с Русской Правды. При этом Калайдович и Строев отмечали, что уже нормы Судебника 1497 г. «характером своим много разнятся от Ярославовых». Однако авторы

¹⁵ Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича с дополнительными указами, изданные Константином Калайдовичем и Павлом Строевым. М., 1819. Предисловие. С. III—V.

¹⁶ Там же. С. III, XIII.

¹⁷ Там же. С. XI.

объясняли эти изменения не социально-экономической обусловленностью исторического развития, а только задачами централизации государства и единства управления. Кроме того, вероятно, под влиянием взглядов Н. М. Карамзина, открывшего совместно с Калайдовичем Синодальный и Рязанский списки Кормчей книги и считавшего, что до издания Судебников именно она служила «гражданским уложением», составители издания также рассматривали ее как один из источников русского права.

Возникновение же Судебника Ивана III авторы связывали, в первую очередь, с законодательной «миссией» единодержавного государя, стремившегося «утвердить внутреннее благоустройство России общими гражданскими законами». По их словам, «мудрый законодатель», действовавший в интересах всего народа, стремился обеспечить «благоденствие» государства путем установления «великих заповедей» против злоупотреблений. Для этого великий князь Иван Васильевич «повелел дьяку Владимиру Гусеву собрать и рассмотреть древние судебные грамоты и в 1497 году издал новое Уложение». Таким образом, издатели Судебника, ссылаясь на свидетельствования летописных источников и присоединяясь к версии, выданной еще М. М. Щербатовым и Н. М. Карамзиным, полагали, что составителем его был царский дьяк Владимир Елизарович Гусев. Вопрос об истории создания Судебника 1497 г. весьма сложен и всегда вызывал жаркие споры среди историков. И все же, думается, правы те исследователи (С. В. Юшков, С. Б. Веселовский, Л. В. Черепнин), которые утверждали, что работу над проектом Судебника осуществлял не один В. Е. Гусев, а целая правительственная комиссия.¹⁸ Вопрос же о его личности был поднят еще Н. П. Лихачевым, а затем Я. С. Лурье, которые убедительно доказали, что он вовсе не был царским дьяком, а в Типографской летописи слились два разных известия — об издании Судебника и об участии Гусева в антиправительственном заговоре, за что он был вскоре после принятия кодекса казнен.¹⁹

Иногда справедливо считая кодификацию норм русского права, приведенных к созданию Судебника 1497 г., прогрессивным явлением, содействовавшим укреплению российской государственности, перестройке центрального и местного аппарата власти, разработке норм уголовного и гражданского права, судостроительства и судопроизводства, Калайдович и Строев связывали эти процессы главным образом с деятельностью Ивана III, стремившегося усилить свою власть ограничением и контролем судебной власти «кормленных дьяков» обязательным утверждением царем решений не только по

¹⁸ Юшков С. В. Судебник 1497 года (К внешней истории памятника) // Ученые записки Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Факультет хозяйства и права. Саратов, 1926. Т. 5. Вып. 3. С. 1—47; Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вичиного режима. М., 1926. С. 103—109; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XV—XVI вв. М., 1951. Ч. 2. С. 278—279.

¹⁹ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 133; Лурье Я. С. Из истории политической борьбы при Иване III // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л., 1940. Вып. 10 (80). С. 90—91.

государственным, но и по важнейшим уголовным или гражданским делам. «Заметим одну прекраснейшую черту сих законов, делающую честь законодателю, — отмечали они. — Наместники, волостители и тиуны их, имея в руках своих власть судную, не могли наказывать преступников, ни давать грамот на холопство по своей воле, без утверждения самого Великого Князя».²⁰

Любопытно, что публикаторы, отмечая тесную связь гражданского и уголовного права в эпоху «деятельности» Судебников, выделяли «духовные дела», которые, по их словам, разбирались по нормам византийского права, «внесенным в Книгу Кормчую». Не имея возможности полностью опубликовать в своем издании по цензурным соображениям два соборных определения 1503 г., обнаруженных Строевым в Савво-Сторожевском монастыре, о «вдовых священниках и дьяках», которым было запрещено «отправлять Божественную службу», а также о «чернцах», которым запрещалось «жить в одном монастыре с черницами», они поместили рассказ о них в своем Предисловии.

Однако наибольший интерес вызывает почти мимоходом брошенное замечание издателей, что «за сими узаконениями времен Иоанновых в истории нашего законодательства следует Уложение сына его, великого князя Василия Иоанновича». «К сожалению оно потеряно, — продолжали они, — только малые следы свидетельствуют об его существовании; но нет сомнения, что это были показанные законы отца его, им исправленные».²¹ Таким образом, с точки зрения Калайдовича и Строева, которая позже была принята рядом исследователей, в том числе С. М. Шнидлерским, М. Ф. Владимирским-Будановым, М. А. Дьяконовым, Б. Д. Грековым,²² между Судебниками 1497 и 1550 гг. существовал еще один памятник русского права, относимый ими ко времени Василия III. Важность этой проблемы состоит уже в том, что положительное решение вопроса о существовании Судебника Василия III означало бы, что все новые статьи и нормы Судебника Ивана IV имели в своем основании нормативные материалы этого кодекса. При отрицательном выводе по вопросу о существовании промежуточного звена между двумя Судебниками 1497 и 1550 гг. следует, что вся правовая база, отличающая Судебник Ивана III от Судебника Ивана IV, относится к кодификационной работе 1549—1550 гг. В этом случае Судебник 1550 г. можно рассматривать как результат законодательной деятельности только Ивана IV, в полном объеме определяющей характер его политики этого времени.

²⁰ Законы великого князя Иоанна Васильевича. Предисловие. С. XV.

²¹ Там же. С. XVI—XVII.

²² См.: Шнидлерский С. М. Об источниках русского права в связи с развитием государства до Петра I // Ученые записки Казанского университета. Казань, 1862. С. 273—275, 300—304; Владимирский-Буданов М. Ф. 1) Хрестоматия по истории русского права. Киев, 1915. Изд. 5. Вып. 2. С. 82—108, 117—188; 2) Обзор истории русского права. Киев, 1909. Вып. 6. С. 215—219; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя в древней Руси. 4-е изд. М.: Л., 1926. С. 169—173; Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.: Л., 1946. С. 838.

Первым, кто высказал предположение о возможности промежуточных источников между Русской Правдой и Судебником 1550 г., был В. Н. Татищев, который указал на наличие законов «по княжениям», в том числе «законов Василия Темного», т. е. Судебника Василия III. Не зная о существовании Судебника 1497 г., он писал и о «законах, изданных Иваном III».²³ Однако для Калайдовича и Строева основанием для гипотезы о существовании Судебника Василия III послужил дополнительный указ от 11 мая 1551 г. о запрещении продажи монастырям вотчин без доклада, приведенный в башиловском издании Судебника 1550 г.²⁴ Наиболее глубоко и всесторонне вопрос о предположительном существовании промежуточного звена между двумя Судебниками середины XVI в. был изучен в первой исследовательской работе о Судебнике 1550 г. — статье И. И. Смирнова «Судебник 1550 года». Автор, подробно анализируя происхождение Судебника, его источники, изучив основные его статьи, посвященные вотчинному землевладению (особенно статью 85), а также грамоты за период с 1497 по 1550 г., в которых были ссылки на Судебник Ивана III, приходит к выводу, что ни Судебник Ивана III, ни Судебник Ивана IV не дают возможность связать с ними названный выше указ о докладе при покупке или продаже вотчин. Это в свою очередь делает невозможным интерпретацию «уложения великого князя Василия Ивановича» как Судебника. Это заключение И. И. Смирнов подкрепил следующими убедительными доводами. Во-первых, известно, что судебное делопроизводство очень быстро реагирует на издание всякого нового правового кодекса. Поэтому стабильность формулы актовых ссылок в документах до 1550 г. свидетельствовала о стабильности самого судопроизводства, основанного на «неизменном правовом базисе в виде одного и того же Судебника». Итак, юридическая практика этой эпохи, нашедшая отражения в актах, относящихся к периоду с 1497 по 1550 гг., знала только один Судебник — Судебник 1497 г. Во-вторых, сама редакция ссылок на Судебник с ее прямым противопоставлением только двух Судебников — «старого» и «нового» — не оставляла места для третьего. Кроме того, исследователь отмечал, что все авторы, занимавшиеся вопросом о Судебнике Василия III, никогда не обращали внимания еще на один источник — «Записки о Московии» С. Герберштейна. Между тем мемуарист, рассуждая и приводя ряд выдержек из Судебника 1497 г., ни слова не говорит о Судебнике Василия III. Таким образом, согласно И. И. Смирнову, «по крайней мере, до 1526 г. (год второго посольства Герберштейна) действующим законом в Русском государстве оставался Судебник 1497 г.» и никакого другого Судебника до

²³ См. об этом: Российское законодательство: X—XX вв. Т. 2. С. 37.

²⁴ Строев и Калайдович называют другую дату: 1 мая 1557 г., но уже в Актах Археографической комиссии, подготовленных Строевым в 1838 г., приводится правильная дата 11 мая 1551 г. // Акты Археографической комиссии. М., 1838. Т. 1. № 227. С. 218. Эту же дату называет А. И. Андреев. См.: Андреев А. И. Судебник // Известия Российской Академии наук. М., 1925. С. 633—634.

1550 г. не было, а гипотеза Калайдовича и Строева не имеет под собой никаких оснований.²⁵

Однако, если издатели «Законов великого князя...» и считали нормы не дошедшего до нас Судебника Василия III основополагающими для Судебника 1550 г., то все же отделяли этот вопрос от земельной политики правительства Ивана IV, указывая на значение «соборных уложений об отчинах монастырских». Аналогичная трактовка данной проблемы была свойственна Б. А. Романову, опубликовавшему через несколько лет после работы И. И. Смирнова, в 1951 г., статью «К вопросу о земельной политике Избранной рады (Ст. 85 Судебника 1550 г.)». Автор, не касаясь существа проблемы «Судебника Василия III»,²⁶ имел возможность представить свою аргументацию, которой нельзя отказать в строгой логичности при анализе статьи 85 Судебника Ивана IV и дополнительного указа 11 мая 1551 г. Соглашаясь со Смирновым, что Судебник 1497 г. не рассматривал вопроса о продаже, закладе и выкупе вотчин, Романов не связывает это с небрежением или неактуальностью вопроса. Напротив, он приводит данные о существовании указов как Ивана III, так и Василия III о вотчинном выкупе. Поэтому статью 85 Судебника 1550 г., по мнению Романова, следует рассматривать не как ограничение властью «боярской привилегии», что было свойственно позиции Смирнова, а как пока еще «бледное» и «шифрованное» отражение земельной политики Ивана IV, направленной на обуздание владычного, прежде всего монастырского, нашествия на земли светского вотчинного землевладения». При этом год, прошедший со времени издания Судебника, ничего не изменил в политической позиции правительства, но сделал совершенно четкой расстановку сил. В противоположность 85-й статье Судебника 1550 г. указ 11 мая 1551 г. показывал «два противоположных один другому лагеря» — церковных и светских вотчинников. Таким образом, обнародование указа свидетельствовало, что власть продолжала в эти годы стоять на страже интересов светских вотчинников.²⁷

Этот вывод чрезвычайно важен для понимания характера и внутренней связи двух эпох, правлений и Судебников 1497 и 1550 гг. Сохранившиеся, в первую очередь в актовых материалах, «следы» свидетельствуют, что в 1549—1550 гг. шла интенсивная законодательная деятельность государственной власти, завершившаяся созданием нового Судебника. Она включала в себя, прежде всего, отбор и переработку норм предыдущего кодекса по определенной программе, основанной на конкретной полити-

²⁵ Смирнов И. И. Судебник 1550 года // Исторические записки АН СССР. М., 1947. Вып. 24. С. 270—273; см. также: Российское законодательство. X—XX вв. Т. 2. С. 42.

²⁶ Эту проблему Б. А. Романов рассмотрел позднее, в комментариях к академическому изданию «Судебники XV—XVI веков», и полностью присоединился к точке зрения И. И. Смирнова.

²⁷ Романов Б. А. К вопросу о земельной политике Избранной рады (ст. 85 Судебника 1550 г.) // Исторические записки АН СССР. М., 1951. Вып. 38. С. 252—369.

ческой концепции и, таким образом, давала представление о направленности всей политики правительства Ивана IV. В этой связи следует отметить, что Калайдович и Строев в своем издании, также связывая кодификационные процессы с политическими задачами, стоящими перед властью после боярского правления, писали: «Царь Иоанн Васильевич, освобождаясь в 1546 г. из рук властолюбивых бояр, кои, пользуясь его малолетством, захватили было бразды самодержавия, первым долгом своим поставил, чрез исправление гражданских и духовных законов, улучшить судебное производство и народную нравственность». При этом издатели характеризовали царя как «государя, славного отличной мудростию», «следующего по стопам своего деда и видевшего злоупотребления и недостатки во внутреннем управлении» страны и называли его «третьим законодателем России». В наиболее отчетливой форме, с их точки зрения, эти его качества проявились в царской речи летом 1551 г. Стоглавomu собору, в которой «государь-юноша» предложил 69 вопросов, представлявших собой «суть красноречивейшие свидетельства отличного ума его» и связанных с изданием нового Судебника.²⁸

Известно, что Иван IV, считая работу по составлению нового законодательства напрямую связанной с разработанной его правительством программой мер по ликвидации последствий боярского правления, «требовал», чтобы «Всесошвенный собор порассудил» о всяких земских «нестроениях» и подумал, не «поиснанаются» ли что из «прежних» обычаев и законов. «Да благословился еси у нас тогда же Судебник исправить по старине и утвердите, чтоб был праведен суд и всякие дела непоколебимо во веки», — говорил он созванному на Собор духовенству и боярству. Из ответов епископов на вопросы государя был составлен Стоглав, который, по словам издателей, «по своей полноте и важности занимает первое место между всеми определениями бывших в России соборов и служит украшением Иоаннова века».²⁹ Это особое Соборное уложение, параллельное Судебнику, было одобрено и принято Собором с положениями, регулирующими главным образом церковные дела. А новый Судебник, как его характеризовали Калайдович и Строев, «кодекс законов гражданских», составленный по предложению царя и включавший 100 статей, должен был обеспечить укрепление социально-политических основ Русского централизованного государства, в том числе местного управления.

Важность «земского устроения», безусловно, понималась властью и до издания Судебника 1550 г. По инициативе царя еще 27 февраля 1549 г. на известном «Соборе примирения» была рассмотрена концепция реформ, направленных на внутреннее благоустройство России. Стремлением Ивана IV прекратить «неправды и грабления», имевшие место в годы боярского правления,

²⁸ Законы великого князя Иоанна Васильевича. Прибавление, С. III. Предисловие, С. XVII.

²⁹ Там же.

объясняли появление нового Судебника и дополнительных указов, вышедших уже после его утверждения, и публикаторы «Законов великого князя...». В Приложении к своему изданию они поместили выписку из указа Ивана IV, данного чиновникам Андрею Берсеневу и Хозяину Тютину, в функции которых входило «наблюдение за благопристойным поведением духовенства, иноков и вообще людей всякого звания; в смотрении за народною нравственностью и за неупустительным выполнением» Соборного уложения и норм нового кодекса. «Установления такого рода, — с явно просветительских позиций утверждали издатели, — несомненно приносят честь законодателю, который, образование нравов почитая основою народных добродетелей и просвещения, обратил на улучшение их особенное свое внимание».³⁰

Вопрос о порядке принятия Судебника 1550 г. весьма сложен и всегда был предметом дискуссии. Известно, что прямых документальных свидетельств об утверждении его Стоглавым собором нет, но первое упоминание о нем как о действующем законодательстве относится уже к 4 июля 1551 г. Калайдович и Строев называют датой принятия Судебника 1 июня 1550 г., тогда как в массе других его списков дата утверждения Судебника на заседании Боярской думы варьирует от 1 до 24 июня 1550 г. Между тем некоторыми позднейшими исследователями не только дата, но и сам порядок принятия нового Судебника трактовались иначе. Так, согласно С. О. Шмидту, Судебник был принят в июле 1550 г. на «третьем Соборе примирения», ставшем фактически Земским собором.³¹ Думается, что все же более убедительна точка зрения издателей «Законов великого князя...», которая была принята большинством исследователей Судебника 1550 г. Так, по мнению И. И. Смирнова, Б. А. Романова, Н. Е. Посова, дата созыва Земского собора должна быть отнесена к февралю 1549 г., а утверждение Судебника на заседании Боярской думы — к июню 1550 г.³²

Итак, Строев и Калайдович рассматривали Судебник Ивана IV как «дополненные законы деда его», которые к тому же воспроизводили нормы, с их точки зрения, существовавшего Судебника Василия III. При этом сама логика их построений приводила к заключению, что «рассматривая законы в. к. Иоанна Васильевича и сличая их с Судебником внука его, видим в них совершенное, почти буквальное сходство в главных положениях». Поэтому, в определенной мере противореча своей же характеристике Ивана IV, они расценивали его как «исправителя» законодательных норм главного «законодателя» — Ивана III. Таким образом, совершенно справедливо полагая, что основой

³⁰ Там же. Прибавление, С. III—III; см. также Судебники XV—XVI вв., С. 181—196; *Посов Н. Е.* Становление сословно-представительских учреждений в России. Исследования о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 22—30; *Российское законодательство: X—XX вв.*, Т. 2. С. 129—130.

³¹ *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавия. М., 1973. С. 74—120.

³² *Смирнов И. И.* Судебник 1550 года. С. 268—270; Судебники XV—XVI веков. С. 182—190; *Посов Н. Е.* Становление... С. 35—53.

Судебника 1550 г. являлся Судебник 1497 г., поскольку подавляющее большинство статей последнего вошло в состав первого, издатели все же не поняли законодательной «миссии» Ивана IV и политической направленности кодификационной работы правительства Избранной рады. Они видели только внешнюю сторону работы над Судебником, которая была оформлена царем как возрат к «старине». «Благословился я у вас (т. е. у властей духовных. — Т. А.), — говорит он, — Судебник исправити по старине», — приводили составители в качестве довода слова из речи царя Стоглавomu собору. Но для Ивана IV «старина» кончилась со смертью отца, после которой в годы боярского правления были нарушены прежние законы и обычаи, требовавшие восстановления. Главной же целью создания нового Судебника должны были стать ликвидация порядков последних лет, т. е. времени боярского правления, и усиление «самовластия». Эта политическая концепция правительства Ивана IV и проникала в Судебник под лозунгом «старинны», «великих заповедей» и исправления «вкравшихся злоупотреблений», о которых писали Калайдович и Строев. Но, отмечая в Судебнике 1550 г. по сравнению с кодексом 1497 г. «больше полноты и системы», а также новые статьи — о способах судопроизводства, о «новом роде судей» (присяжных и целовальниках), о новой системе судебных пошлин и т. д. — издатели объясняли «неполноту и несправность» Судебника Ивана III «ошибками», происшедшими «от переписчика».³³ Таким образом, издатели Судебников, исходя из своих исторических и источниковедческих взглядов, отвечавших уровню развития исторической науки начала XIX в. (исключая воззрения одного из лидеров философской школы русских просветителей А. С. Лубкина, согласно которым, «порча» текстов источников в процессе их многократных переписок была связана с политическими и идеологическими мотивами), расценивали еще Судебник 1550 г. в большей степени как документ процессуального права, чем исторический памятник, полный политического значения. Поэтому не удивительно, что только в другую эпоху и на другом уровне включения этого источника в процесс познания исследовательская мысль не только вскрыла главные тенденции политической программы царствования Ивана IV в 1549—1551 гг., но и увидела в нем первый законодательный кодекс условно-представительной монархии.

Думается, что с подобных позиций следует подойти и к оценке публикаторских принципов издателей «Законов великого князя...», поскольку они отражали не только исторические и источниковедческие взгляды Калайдовича и Строева, но и основные тенденции историографического процесса первой четверти XIX в. В то время в русской исторической науке продолжали существовать и бороться находящиеся, по словам С. Н. Валка, «в теснейшей зависимости от характера руководящей историографической теории» два основных метода в приемах издания тек-

тов источников — критический и буквальный, каждый из которых имел свои достоинства и недостатки и корнями уходил в предыдущую эпоху.³⁴

Термин «археография» в истории отечественной исторической науки имеет почти двухвековую традицию. Еще в конце XVIII — первом десятилетии XIX в. стали осознавать важность разыскания, собирания, всестороннего изучения и издания письменных памятников, делались первые успешные шаги на этом пути. Однако «для обозначения этой деятельности, — писал С. Н. Валк, — термин „археография“ никому тогда не требовался». И задолго до понятийного перенесения Н. А. Полевым «археографии» на русскую почву и внедрения «археографической» терминологии в практику подобного рода научной работы в трудах А. Л. Шленера, В. В. Крестинина, И. П. Елагина, И. П. Болтина, П. М. Карамзина, А. Н. Оленина был поставлен вопрос о правилах публикации летописей, актов, материалов и законодательных памятников.³⁵ Широкую известность в эту эпоху получили принципы издания летописей, сформулированные А. Л. Шлецером, который, исходя из своих общих методологических установок, предлагал перейти от традиционных принципов издания к подготовке источниковедческих публикаций. Шлецеровские идеи «очинения» и «восстановления» подлинного текста источника имели огромное влияние на источниковедческие взгляды и публикаторские приемы ряда исследователей, в том числе Калайдовича и Строева. Так, еще в 1812 г., как указывает В. П. Козлов, было опубликовано письмо К. Ф. Калайдовича к Н. Н. Бантыш-Каменскому, бывшему тогда директором Московского архива Коллегии иностранных дел, «об издании государственных грамот и договоров». В нем автор, считая актуальным материал более важным по достоверности, чем летописный, предлагал, чтобы грамоты и договоры были изданы «со всею палеографическою точностию». Позже с ним соглашался и Строев, полагая, что «нет ничего труднее, а притом бесполезнее, чем издавать летописи и вообще древние сочинения по одному, двум или немногим спискам: они, как известно, всегда несправны от нерадения, невежества и затейливости переписчиков».³⁶

Безусловно, первый опыт археографической работы Строев и Калайдович получили в годы подготовки фундаментального издания «Собрание государственных грамот и договоров», когда постепенно формировались и совершенствовались их взгляды на принципы изучения, описания и воспроизведения источников. Однако взгляды членов Комиссии печатания государственных грамот и договоров на цели «Собрания», а следовательно, и принципы его издания не всегда совпадали. Дискуссия относительно методики публикации актов, памятников, в которой приняли участие наши герои, возникла среди сотрудников Комиссии в

³⁴ Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX в. // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 124—160.

³⁵ Валк С. Н. Судьба «археографии» // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 455—459.

³⁶ Барсуков П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 70.

³³ Законы великого князя Иоанна Васильевича. Предисловие. С. XIX—XXVI.

ходе подготовки ее второй части. И если в первой части издания, почти целиком подготовленной еще до начала Отечественной войны 1812 г. Н. Н. Бантыш-Каменским, тексты документов передавались, хотя и с сохранением их языковых и орфографических особенностей, но с раскрытыми титлами и восстановленными явно пропущенными словами, которые ставились в скобках, с оговорками в примечаниях, то с 1816 г. по категорическому требованию Н. П. Румянцева в ходе подготовки второй части «Собрания» текст грамот стал печататься «без малейших в правописании поправок, сохраняя всевозможную точность подлинников в отношении букв и самых знаков препинания». По справедливому замечанию В. П. Козлова, это отражало позицию не только самого графа, но и ряда сотрудников Комиссии, в том числе Калайдовича,³⁷ но, думается, и Строева.

В процессе работы над изданием ученые вырабатывали и свои собственные методы публикации однотипных источников, относящихся к большим историческим периодам. Поиск же хронологических границ, в рамках которых была бы возможна упрощенная и облегченная передача текста документов, привел их к компромиссному решению. В отношении источников более ранних веков они считали возможным при их издании максимальное приближение к оригиналу, но с параллельной публикацией перевода на современный язык. Поэтому в Предисловии ко второй части «Собрания» от редакции было специально подчеркнуто, что «все подлинники здесь грамоты, старинные с них списки изданы со всевозможною верностью, так, что везде удержаны сокращения, титлы, и даже самые буквы, ныне из употребления вышедшие».³⁸ Позже, как известно, взгляды издателей на принципы публикации источников претерпели существенную трансформацию, которая нашла свое отражение как в издании актового материала, так и других исторических источников.

Уже в ходе подготовки к публикации третьей части «Собрания» П. М. Строев и К. Ф. Калайдович, ссылаясь на тот факт, что «печатаются уже не древние грамоты», настаивали на том, чтобы при передаче текста источников «не наблюдалась прежняя затруднительная точность в буквах, ныне из употребления вышедших, а притом и ненужные в гражданской азбуке титлы исключены».³⁹ Дело в том, что к 1817 г. Калайдович, «ссылаясь на приобретенный опыт», отказался от «некоторых положений» своего письма к Н. Н. Бантыш-Каменскому и считал уже возможным максимальное облегчение передачи текстов документов, «особливо в точном соблюдении правописания грамот новейших времен». Эти воззрения в определенной мере касались и изданий памятников русской и славянской литературы и письменности

древнейших эпох. Одним из них была новая публикация Калайдовичем Сборника Кириши Данилова (IX—XII вв.), материалы для которой он собирал во время подмосковной экспедиции, а затем в московских архивах и библиотеках. Труд Калайдовича, вышедший в свет 1818 г., стал первой публикацией в истории русской фольклористики, выполненной на научной основе. В Предисловии, излагая правила издания, он писал, что «некоторые погрешности в языке, свойственные времени, к коему стихотворения принадлежат, остались неприкосновенными; в другом случае, при явных ошибках писца, осмелились мы сделать небольшие поправки». Однако, заново и более правильно прочитав тексты памятника, чем это было в предыдущем издании 1804 г., и сохранив орфографию, Калайдович все же «поправил» звуковые диалектические черты и особенности языка, изменил правописание собственных имен, что исходило из стремления издателя приблизить чтение памятника к современному языку.⁴⁰

В 1817—1820 гг. существенно изменились взгляды как Калайдовича, так и Строева и на издание летописей. И если, исходя из хронологического принципа передачи текста источника, Калайдович предложил издавать Синодальный список Новгородской первой летописи «как один из важнейших памятников славянской русской письменности» с максимальной точностью и публикацией перевода на современный язык, то более поздний Устюжский летописный свод он считал уже возможным издавать обычным шрифтом и с упрощенным воспроизведением текста.⁴¹ Аналогичные публикаторские принципы были свойственны изданию Софийской Новгородской летописи, осуществленному Строевым в 1820—1821 гг. по поручению Н. П. Румянцева. Именно здесь ученый впервые изложил свою методику передачи текста исторических источников. В своем распоряжении издатель имел три неизданных, сходных по содержанию списка летописей: список, содержащий известия с 1397 по 1518 г. из Московского архива Коллегии иностранных дел, другой — продолжавшийся до 1418 г., из коллекции гр. Ф. А. Толстого, и третий — обнаруженный им в 1819 г. в библиотеке Воскресенского монастыря список Всемирного Хронографа, с присоединенным к нему Временником Нестора, доходящим до 1534 г. Таким образом, в основу первой части публикации Строевым был положен список Ф. А. Толстого, а второй — два других имеющихся списка.⁴²

Подобный метод издания, когда объединялись разные списки, имел, безусловно, оттенок искусственности и субъективности. И даже «усовершенствованные» археографические приемы издателя затрудняли изучение памятника и давали неверное представление об основных списках. Однако чрезвычайно важно, что в Предисловии к «Временнику» Строев впервые выдвинул идею о слож-

³⁷ См.: Письмо Н. П. Румянцева А. Ф. Малюковскому от 26 февраля 1816 г. // Чтения МОИДР. М., 1882. С. 20—21; *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 101—102.

³⁸ Собрание Государственных грамот и договоров. М., 1819. Ч. 2. Предисловие. С. IV.

³⁹ Там же. М., 1821. Ч. 3. Предисловие. С. II.

⁴⁰ См. об этом: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. С. 102—103, 108—109, 119—120.

⁴¹ Там же. С. 109.

⁴² Софийской временник или Русская летопись с 882 по 1534 годы / Издал П. Строев. М., 1820. Ч. 1. С. XVI—XVII; М., 1821. Ч. 2. С. II—IV.

ном составе летописных текстов, которые, по его мнению, являлись сборниками или сводами разнородного по происхождению предшествующего материала. Эта мысль в истории отечественного летописеведения имела важное научное значение, хотя сам метод публикации летописного материала, использованный Строевым, в дальнейшем был подвергнут критике. А. А. Шахматов, труды которого являются наивысшей точкой в изучении летописей, не только конкретизировал и уточнил понятие «свода», но и противопоставил строевскому принципу «механического» разложения летописей свой взгляд на «восстановление» древних летописных списков. Он обратил внимание на то, что в основе возникновения свода лежит не «механический» подбор случайного материала, как считал Строев, а сознательная воля его составителя. Однако именно понимание Строевым летописей как компиляций и сводов предшествующих памятников разных авторов позволили ему сформулировать основные принципы издания исторических источников: «Неоднократные опыты доказали уже, что буквальное издание рукописей — какого требовал Шлецер, а за ним другие, еще строжайшие — со всеми ошибками писцов, непотребительными буквами, титлами и даже удержанием неверного словоразделения, не только не принесло ожидаемой от сего пользы, напротив того, вводило читателей в одни излишние затруднения... Не в сохранении древних букв и сокращений состоит истинная точность изданий исторических рукописей, — указывал далее издатель, — но в правильном словоразделении».⁴³

С точки зрения «восстановления» и «очищения» истинного смысла текста рукописей подходил Строев и к вопросу об ошибках переписчиков. «Писцы-невежды суть явления слишком обыкновенные во всех веках и государствах. Неправление погрешностей, ими наделанных, составляет часто предмет высшей исторической критики», — писал он. Исходя из этих воззрений, издатель решительно исправлял неясные места основного текста на основании сравнения с другими списками, предлагая свою интерпретацию и отнеся в примечания текст рукописи, признанной им ошибочной. Кроме того, он исключал буквы, «не употребительные в нынешней гражданской печати», расставлял знаки препинания и исправлял орфографические ошибки писцов, «ни мало не касаясь древних грамматических форм, невразумительных архаизмов и самого выговора».⁴⁴ Издание включало также, помимо примечаний, одно из первых факсимильных изображений почерков трех основных рукописей, а также было снабжено указателями — именным и предметно-географическим. Итак, приемы публикации, сформулированные и использованные Строевым в данном издании, с точки зрения современной археографии представляются не вполне удовлетворительными, а сама публикация являет собой еще сложное переплетение археографических традиций XVIII в. со стремлением к «очищению» и «восстановлению»

памятника. Подобные приемы издания характерны для определенной части публикаторов начала XIX в. с их тенденцией к максимальному облегчению передачи текста источника.

На этом фоне более строго с точки зрения современной археографии были публикаторские приемы, использованные Строевым и Калайдовичем в издании Судебников 1497 и 1550 гг. Первый из них, до этого известный исследователям только по извлечениям из него, приведенным С. Герберштейном в «Записках о Московии», в полном составе был введен в научный оборот именно в «Законах великого князя...». Поэтому все последующие издания этого памятника, как научного, так и учебного и популярного характера, восходят в качестве первоисточника к печатному тексту 1819 г. Издатели сообщали о рукописи следующие палеографические сведения: «Судя по полууставному почерку, плотной лощеной бумаге и находящемуся в ней знаку державы, принадлежит к началу XVI века; писан в малую четверть, на 24 страницах».⁴⁵ Однако дальнейшее изучение памятника еще более конкретизировало эти данные. При подготовке академического издания Судебников XV—XVI вв. Л. В. Черепнин, анализируя рукопись Судебника 1497 г., хранившуюся в Государственном архиве древних актов, обратил внимание на то, что список писан не одним «полууставным», а по крайней мере тремя последовательными почерками, два из которых — скоропись, и пришел к выводу, что текст памятника был переписан с оригинала или с другого списка не менее чем тремя сменявшими друг друга писцами. Солидаризируясь с Н. П. Лихачевым относительно филиграней, относящихся к концу XV—началу XVI в., и найдя подобный водяной знак на рукописи, Черепнин пришел к выводу, что список Судебника — ранний и был сделан вскоре после утверждения Иваном III подлинной рукописи.⁴⁶

Возвращаясь к изданию Калайдовича и Строева, следует сказать, что рукопись Судебника 1497 г., не имевшая построчной нумерации, имела свою систему разбивки материала в виде киноварных инициалов. Однако публикаторы, игнорируя их, отмечали в ней 36 статей, «заглавие каждой из которых, равно как и начальные буквы периодов, написаны киноварью». Таким образом, разбивка материала в тексте рукописи, осуществленная при помощи киноварных заголовков, относящихся к крупным тематическим разделам текста и инициалов, выполненных также киноварью и делящих текст на более мелкие подразделения, не была перенесена ими в публикацию, в которой выделялись лишь киноварные заголовки и не отмечалось наличия инициалов.⁴⁷ Позже М. Ф. Владимирский-Буданов, систематизируя текст Судебника, разбил его на четыре части: о суде центральном, о суде провинциальном, о гражданском процессе и о гражданском пра-

⁴³ Законы великого князя Иоанна Васильевича. С. XXVI.

⁴⁶ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... С. 277—290; см. также: Судебники XV—XVI веков, С. 13—15.

⁴⁷ Законы великого князя Иоанна Васильевича. С. XXVI.

⁴³ Там же. Предисловие. С. XX—XXI.

⁴⁴ Там же. С. XXI—XXII.

ве — и разделил на 68 статей.⁴⁸ И хотя впоследствии все научные издания Судебника (вплоть до академического 1952 г. и последнего 1985 г.) были основаны на этой систематизации, уже во введении к академическому изданию «Судебников XV—XVI веков» Л. В. Черепнинский отмечалась ее искусственность. По его мнению, если некоторые из статей полностью соответствовали рукописным заголовкам, то другие являли собой творчество самого систематизатора. Это было связано с тем фактом, что М. Ф. Владимирский-Буданов, не имевший возможности ознакомиться с рукописью памятника и пользовавшийся только изданием Калайдовича и Строева, воспроизвел их архитектуру текста.⁴⁹

Список Судебника 1550 г., принадлежащий Калайдовичу и положенный издателями в основу их публикации, имел значительные расхождения с первыми двумя изданиями Г. Ф. Миллера и С. С. Башилова. Список этот, по их словам, «преимуществом пред прежними своею древностию и точностию, ибо в нем не встретилось и десяти погрешностей переписчика». Рукопись, в составе которой находился список, принадлежала богатому собранию исторических материалов гр. Ф. А. Толстого. После использования его в ходе подготовки публикации он был подарен Калайдовичем в библиотеку Архива Коллегии иностранных дел. В настоящее время этот список Судебника хранится в древлехранянице Российского государственного архива древних актов. Согласно палеографическому описанию издателей, он был «писан в четверть, мельчайшею скорописью, в начале XVII века». Дополнительные же указы к нему, как отмечалось в Предисловии, «прерываются 1557 годом», причем «первого Указа, 1555 года, нет ни в одном из прежних изданий».⁵⁰ Таким образом, издание Калайдовича и Строева, кроме самих кодексов, вводило в научный оборот несколько неизвестных ранее ценнейших древнерусских законодательных актов.

Тексты обоих памятников публикаторы стремились дать с «возможною точностию», отказавшись от «восстановления» оригинальных текстов. «Смело можем ручаться, — писали они, — что не только одно слово или речение, но ниже самая буква, не проронены против подлинников». И если данная методика была вполне правомерной и единственно возможной в отношении Судебника 1497 г., поскольку в руках издателей оказался его единственный список, то в отношении Судебника 1550 г., который был им известен по многим спискам, подобный подход вряд ли оправдан и, надо признать, мало отвечал требованиям строго научного издания. Как известно, подлинник Судебника Ивана IV, утвержденный в июне 1550 г. на заседании Боярской думы и представленный летом 1551 г. на утверждение Стоглавого собора, не дошел до нас. Сохранились

лишь многочисленные списки, большинство из которых были известны науке уже в конце XVIII—начале XIX в., а сейчас (всего 40) хранятся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Списку, изданному Калайдовичем и Строевым, как и большинству из них, предшествует оглавление, а текст начинается вводной частью, за которой следуют нумерованные статьи. Ошибки оригинального списка Судебника, или «Погрешности подлинного списка» с указанием правильного чтения, были даны издателями отдельно, а не в тексте, как это сделал Строев в «Софийском временнике». В издании в качестве приложения был опубликован также отрывок из дополнительного указа Ивана IV от 30 апреля 1552 г., который находился в составе рукописи, принадлежавшей Строеву. Напрямую связанный с определениями Стоглавого собора и Судебником 1550 г., он, по мнению издателей, представлял несомненный интерес, поскольку был посвящен, как они писали, «учреждению в Москве некоторого рода исправительной подлинности». Кроме того, к публикации были приложены факсимильные изображения почерков обоих законодательных памятников и филигрань бумаги Судебника 1497 г.

Итак, археографические приемы, разработанные Калайдовичем и Строевым и практически реализованные в их совместной публикации «Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича», оказались не вполне удовлетворительными и вызвали нарекания еще в 20-е годы XIX в. Однако следует напомнить, что уже в эти годы археографами была поставлена проблема, актуальная и по сей день, — проблема возможного совмещения интересов историков и филологов при издании древнейших памятников по отечественной истории. Poleмика же о различных типах изданий текстов — буквальном и критическом — среди историков начала XIX в. представляла собой дискуссию, происходившую по большей части применительно к конкретным изданиям и к определенным задачам той или иной публикации. И если подходить к методам передачи текстов законодательных памятников, предложенным Калайдовичем и Строевым, с подобной точки зрения, то они вполне отвечали конкретным исследовательским интересам историков и нуждам развивающейся исторической науки в целом. Вместе с тем реальная картина социально-экономических и политических процессов в России в конце XV—первой половине XVI в. в освещении многих поколений отечественных историков была бы неполной, если бы в 1819 г. Калайдовичем и Строевым в научный оборот не были введены ценнейшие законодательные памятники Русского централизованного государства — единственный известный до сих пор список Судебника 1497 г. и неизвестный ранее список Судебника 1550 г.

⁴⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Ярославль, 1873. Вып. 2. С. 67—96.

⁴⁹ Судебники XV—XVI веков. С. 15.

⁵⁰ Законы великого князя Иоанна Васильевича. С. XXVIII—XXIX.

THE LEGISLATIVE MONUMENTS OF 1497 AND 1550
IN THE PUBLICATION OF K. F. KALAI DOVICH AND P. M. STROEV

In this historiographical work the author analyzes the particularities of the study and interpretation of important legislative movements of XV and XVI centuries during the Alexander I epoch. The article demonstrates the influence of enlightenment ideological norms on historical literature and methods of publication of sources. Special attention is paid to the historical views of the future famed scientists and their interrelations.

К. В. ПЕТРОВ

О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ РАЗРЯДНОЙ КНИГЕ 1559—1605 гг.

В 1845 г. в издании «Сибирский сборник» Д. А. Валуевым был опубликован текст разрядной книги.¹ До этого разрядные книги издавались дважды: Г. Ф. Миллером был опубликован текст разрядов XVII в.; в издании Н. И. Новикова появился текст разрядов XVI в.² Несмотря на то что Валуевская разрядная книга использовалась исследователями, изучения текста долгое время не проводилось. Впервые источниковедческий анализ этой книги был предпринят спустя более чем сто лет, когда в 1955 г. была защищена диссертация В. И. Буганова.³ Исследователь установил, что текст, изданный Валуевым, представляет собой разрядную книгу 1559—1605 гг. Рукопись же, положенную в основу публикации Валуева, историку найти не удалось. Однако наряду с этим, как установил В. И. Буганов, текст той же разрядной книги передают три рукописи: Архивский, Систревский и Миллеровский. Согласно концепции В. И. Буганова, несохранившаяся официальная разрядная книга «с древнейшими записями» наиболее полно отразилась в ряде списков («Пространная редакция»), текст которых историк издал как Разрядную книгу 1475—1605 гг. Разрядная книга 1559—1605 гг. является сокращением текста («Сокращенная редакция 1605 г.») разрядной книги «с древнейшими записями», составленной вскоре после 1605 г. Кикиными или другими представителями «средних слоев служилого класса».⁴ Сокращенная редакция отличается небрежностью

¹ Сибирский сборник / Изд. Д. Валуев. М., 1845. С. 1—154.

² Повседневные дворцовые ведомости государей царей и великих князей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. М., 1769. Ч. 1—2; Древнейшая Российская Византика. 2-е изд. М., 1790. Ч. 13. С. 247—455; Ч. 14. С. 290—496.

³ Буганов В. И. Разрядные книги посл. четв. XV—нач. XVII в. как исторический источник. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1955.

⁴ Буганов В. И. 1) Разрядные книги посл. четв. XV—нач. XVII в. М., 1962. С. 222—239; 2) Сокращенная редакция разрядных книг 1559—1605 гг. // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 88—101; 3) Введение // Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 3—6.